

Стенограмма
презентация книги памяти А.С. Черняева
«Мы называли его Графом»

21 марта 2019 года

П.Р. Палажченко. Мы решили начать сегодняшнюю презентацию с небольшого видеоролика, который даст нам возможность увидеть и услышать Анатолия Сергеевича Черняева. Нам кажется, что это будет самым лучшим и самым удачным началом.

Показ видеоролика.

П.Р. Палажченко. Мы только что увидели, услышали Анатолия Сергеевича. Сейчас возобновится ротация слайдов, которые отражают разные периоды жизни этого замечательного, уникального человека.

Мы собрались, чтобы представить здесь книгу памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Книгу, которая называется «Мы называли его Графом», в создании которой приняли участие много людей. Книгу, в которой содержится много уникальных документальных материалов. Книгу, которая, я убежден, будет большим вкладом в изучение истории периода перестройки и не только периода перестройки.

Но главное – это то, что книга дает представление о совершенно незаурядной личности этого человека, принадлежащего к незаурядному поколению. И даже в этом незаурядном поколении шестидесятников Анатолий Сергеевич Черняев, безусловно, выделялся. Выделялся своим умом, выделялся своей прямоотой, выделялся своими человеческими качествами.

Сегодня, я думаю, мы об этом поговорим, вспомним Анатолия Сергеевича, добавим к его портрету какие-то новые черты и краски.

Прежде чем предоставить слово тем, кто сегодня у нас выступит, я хотел бы выразить благодарность, к сожалению, не присутствующему здесь Илье Ханукаевичу Урилову, по чьей инициативе, собственно, эта книга и

собрана, составлена и издана. Илья Ханукаевич, к сожалению, не смог сегодня прийти. Звонил, мы с ним говорили. Давайте заочно выразим ему благодарность за эту инициативу и за помощь в издании этой книги. Вы знаете, что сейчас любую книгу издать не так просто. Он – и один из авторов. Здесь присутствуют довольно много авторов этой книги, которые поделились своими воспоминаниями.

Прежде чем предоставить слово авторам, я хотел бы предоставить слово составителю этой книги – сотруднику Горбачев-Фонда Дмитрию Белановскому, который этот проект вытащил на своих хрупких плечах. И результат книги, я думаю, всех нас очень порадует. Но еще интересно то, что в ходе работы над этой книгой Дмитрию удалось найти некоторые очень интересные факты, о которых мы раньше не знали.

Я думаю, в пределах пяти, может быть, десяти минут Дима об этом нам сейчас расскажет.

Д.А. Белановский. Я приветствую всех, кто пришел на сегодняшнюю презентацию. Я хочу выразить благодарность Павлу Руслановичу Палажченко за то, что он предложил мне заниматься этой работой. Правда, я поначалу немножко испугался, потому что не предполагал, не знал, где искать людей, которые могли бы вспомнить об Анатолии Сергеевиче. И мне казалось, что это совершенно не выполнимая задача, потому что таких людей, как я тогда думал, было немного. Но постепенно эти люди стали набираться. Работало «сарафанное радио». Ко мне приходили авторы, присылали свои воспоминания. В результате мы сегодня в этой книге имеем около двадцати пяти текстов, что, в общем, согласитесь, немало.

Для меня работа над этой книгой была в каком-то смысле очень личным проектом, потому что я был знаком с Анатолием Сергеевичем. Будем считать, что мне просто повезло в жизни, что я был с ним знаком. Поэтому над этой книгой я работал как-то особенно щепетильно. И мне хотелось, чтобы она хорошо получилась. Я надеюсь, что это так.

С Анатолием Сергеевичем я познакомился в 2009 году. Хотя я его видел раньше здесь, в Фонде. Но никакого повода для общения у нас с ним не было. И в какой-то момент Павел Русланович предложил мне взять у него интервью по поводу 20-летия вывода войск из Афганистана. Я составил вопросник, пришел к нему. Он меня раньше видел, но не был со мной знаком и как-то очень настороженно на меня смотрел. И я тоже очень нервничал. Но буквально прошло несколько минут, и мы уже абсолютно свободно говорили на эту тему. И меня, конечно, абсолютно поразили его личность и его ответы.

Честно вам скажу: я никогда не предполагал, что бывший высокопоставленный работник ЦК и помощник Горбачева будет столь откровенно говорить об Афганской войне и называть ее авантюрой, преступлением. В общем, я вышел из его кабинета даже несколько шокированным.

Настоящее знакомство с Анатолием Сергеевичем началось уже после его ухода из Фонда в 2011 году. Он стал звонить в наш архив и просить дать почитать какие-нибудь книги. И мы с моей супругой Еленой стали к нему приезжать домой и привозить книги. Кстати, он очень интересовался французскими книгами. Был такой момент, когда весь запас этих французских книг уже оказался исчерпанным, я ему подсунул какой-то детектив, на что получил сердитую записку: «Дмитрий Александрович, я детективов не читаю». Мы стали вхожи в его дом и общались, можно сказать, до конца жизни.

Поэтому, повторяю, работа над этой книгой мне доставляла просто очень большое удовольствие.

Я стал набирать эти воспоминания, встречаться с разными людьми. И в какой-то момент понял, что эта книга не должна ограничиваться только лишь воспоминаниями, что слово надо предоставить самому Анатолию Сергеевичу. И я стал отбирать тексты для включения в это издание. Прежде всего, как мне кажется, наиболее интересным и ценным материалом здесь

является подборка его докладных записок Михаилу Сергеевичу Горбачеву с 86-го по 91-й годы.

Я вам скажу, что в жизни никогда не читал столь откровенных и поразительных текстов. Мне кажется, что Анатолий Сергеевич в том ролике, который мы сейчас увидели, несколько слукавил. Мне кажется, что он принизил свою роль как человека, фиксирующего какие-то идеи Горбачева. По этим докладным запискам видно, что он сам их выдвигал. Разумеется, в рамках какого-то курса. Мне кажется, что он был сам инициатором определенных идей.

Я думаю, что и вы сами прочитаете эти докладные и вынесете свой вердикт.

Следующим материалом, который я включил в эту книгу, были его статьи и интервью. Анатолий Сергеевич очень много писал в разных газетах, журналах. Многие его публикации были на злобу дня. Я их туда не стал включать, потому что они требуют комментария. А включил, как мне кажется, его наиболее концептуальные работы. Это довольно большая статья, даже не статья, а целое эссе «Был ли у России шанс? Он - последний». Это довольно пессимистическая работа. Он считает, что перестройка была последним шансом России на выход из тоталитаризма. Ну, посмотрим.

Второй текст – «Потерянная духовность». Это роль церкви в нашем обществе. И чрезвычайно интересный текст – «Двойной портрет: Брежнев - Горбачев».

Я также обратился с просьбой к Александру Сергеевичу Пученкову, который здесь в зале присутствует, с просьбой написать биографию Анатолия Сергеевича. Он проделал гигантскую работу: работал в архивах, библиотеках, написал очень большой текст, который, к сожалению, пришлось сокращать, потому что он не умещался в формат этой книги. Но в сокращенном виде он опубликован здесь. И я надеюсь, что Александр Сергеевич, наверное, напишет книгу в серию «ЖЗЛ».

Я хочу немного сказать о названии этой книги. Она называется: «Мы называли его Графом». Но это название не я придумал. Это название статьи уважаемой Ирины Николаевны Зориной-Каряжиной. Я взял его в кавычки. Почему Графом? Граф – это была такая кличка Анатолия Сергеевича, которую дал ему Александр Бовин. У Александра Бовина был очень острый язык. Но мне кажется, что здесь он попал абсолютно в точку. Анатолия Сергеевича действительно можно было назвать аристократом, я бы сказал, аристократом духа. Это человек, который был честен перед другими людьми, перед самим собой.

Тут довольно интересная история, связанная с этим графством, дворянством. Анатолий Сергеевичем полушутя, полусерьезно намекал, что он вроде бы потомок Михаила Григорьевича Черняева - генерал-губернатора Туркестана. Никаких доказательств этого родства не обнаружено. Более того, еще один человек, родственник семьи Черняевых – Владислав Васильевич Чубуков - принес мне его родословную. Из этой родословной было видно, что подлинная фамилия деда Анатолия Сергеевича была Пяткин. И в какой-то момент он переменял свою фамилию.

Это лишь мое предположение. Дело в том, что Скобелев и Черняев были весьма известными фигурами. Их портреты печатались в газетах. Может быть, он участвовал в Туркестанском походе. Трудно сказать. Но, в общем, в какой-то момент он взял себе благородную фамилию, которая перешла и его потомкам.

Говоря об Анатолии Сергеевиче, я бы назвал его человеком чести. Это такое, к сожалению, редко употребляемое слово сегодня. Вообще понятие «честь русского офицера» напрочь потеряно. Он был действительно человеком чести.

Меня заинтересовал один момент его биографии. Он практически во всех книгах помещал фотографию своего отца в военной форме в период Первой мировой войны. И я в какой-то момент заинтересовался его военной

службой и обратился к своим коллегам по Историческому архиву, где я когда-то работал. Они нашли его послужной список. И по этому послужному списку я установил часть, в которой он служил во время Первой мировой войны. И на мое счастье, эти документы сохранились. Я нашел фонд этого полка. Это был 117-й Ярославский пехотный полк. И когда я посмотрел опись, я увидел, что там сохранились полевые книжки. Я пришел в архив, заказал эти полевые книжки, стал читать. Был просто шокирован. Там было подробное описание боев. Его часть была перекинута с Юго-Западного на Румынский фронт. Там идет описание боев.

Меня это поразило. Потому что и отец, и сын прошли фактически те же боевые испытания. Они оба познали ужас войны. И вообще Анатолий Сергеевич был просто противником войны в силу своего военного опыта.

Я решил сделать такой небольшой раздел, приложение, где соединил эти две фотографии. Вы увидите, что и отец, и сын, кстати, внешне поразительно похожи. Такой небольшой сюрприз в этой книге.

Я на этом заканчиваю. Хотел бы сказать, что, когда я работал над этой книгой, у меня летал какой-то литературный образ – что-то такое из XVIII века. Человек XVIII века, эпохи классицизма. Я никак не мог поймать за хвост этот образ, пока, в конце концов, понял, откуда он идет. Это такая довольно длинная ода Державина, которая называется «Вельможа». Я сейчас зачитаю отрывок.

*«Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь».*

Мне кажется, что этот образ абсолютно подходит к Анатолию Сергеевичу.

Я передаю слово другим.

П.Р. Палажченко. Спасибо большое. (*Аплодисменты.*) Хочется поприветствовать здесь членов семьи Анатолия Сергеевича Черняева. Дмитрий упомянул их. Мы очень рады, что они здесь.

У нас присутствуют здесь авторы этой книги, те, кто дал в эту книгу свои воспоминания. Люди, которые воплощают поколение, как я сказал, шестидесятников, к которому принадлежит Анатолий Сергеевич и к которому принадлежит и Виктор Леонидович Шейнис, и Владлен Терентьевич Логинов.

Если позволите, я по старшинству хотел бы предоставить слово Владлену Терентьевичу, чтобы он сказал несколько слов об Анатолии Сергеевиче и о своей статье, которая в эту книгу входит.

В.Т. Логинов. Первое, о чем я хотел бы сказать, - конечно, о самом издании. Обычно так издавали Библии и т.д. Нашу литературу – историческую и прочую – в идеальном варианте – в хорошей суперобложке. Когда привезли эту партию книг (это было недели полторы назад), мне казалось, что они даже как-то пахли чем-то очень благородным. Это издание просто шикарное. Такое было раньше слово – шикарная книга. Это первое.

Второе. Для меня было очень важно в этой книге то, что, может быть, вначале даже не предполагалось, - собрать статьи Анатолия Сергеевича. Прочитав их, люди поймут, с каким уровнем интеллекта они имеют дело.

Для меня особенно важна, скажем, статья о сегодняшней религии. Мы все пытались Михаила Сергеевича подтолкнуть, но он не хотел связываться с попами. А Анатолий Сергеевич написал по-моему блистательную статью о современной русской православной церкви.

Обычно когда помощники, слуги, шоферы и прочие пишут часто о своих хозяевах, они всячески их... Из Брежнева вообще стали изображать какого-то такого полудохлого придурка. Черняев ни разу себе не позволил в своих воспоминаниях что-нибудь сказать такое мерзкое, лакейское о

Пономареве, например, хотя проработал с ним огромное количество времени. Я уж не говорю о Михаиле Сергеевиче, с которым у него просто было абсолютное совпадение в каких-то принципиальных позициях.

Или возьмите в этой связи его статью «Сравнительный анализ: Горбачев и Брежнев». Удивительная статья. Прочтите ее обязательно.

Что касается личного, то, конечно, здесь, я считаю, просто уникальные вещи. Это связано и с университетскими годами. Я уж не говорю даже о самой биографии Черняева. А вообще об этом времени существуют какие-то весьма превратные представления. Особенно первые послевоенные годы – 46-47-й годы, до начала космополитизма. Очень своеобразные годы. У нас на курсе 80% студентов составляли фронтовики, а школьников вообще было человек десять на курсе. Я уж не говорю, что для нас, школьников, это наложило свой отпечаток. В этом смысле очень много каких-то новых фактов.

Особенно хотел бы отметить один документ, немножко противный, я бы сказал. Я лично за ним охотился многие годы. Это речь Александра Бовина на 50-летию. Мы тогда все хохотали над текстом, что даже не улавливали какие-то вещи. У них, между прочим, были достаточно сложные отношения. Я у Бовина спрашивал: Александр, дай текст, ты же читал. – А я его куда-то сунул, я его забыл. Я у Анатолия Сергеевича спрашивал. – Я его тоже не помню. У меня, по-моему, даже его не было. И вдруг благодаря стараниям Дмитрия Белановского из архива Анатолия Сергеевича было извлечено это самое письмо. Действительно обхохочешься. Потому что он взял сюжет – «Жизнь Черняева через призму отношений с женщинами». Не скажу, что эта речь совсем такая благожелательная. Довольно злая. Но она очень характерна вообще для отношений того времени, когда можно было посмеяться друг над другом и т.д. и т.д.

Ценная книга. И не только для изучения биографии Черняева, вообще для изучения эпохи. Я уж не говорю – для будущих историков вообще. Роль Черняева – в выработке политики нового мышления. Это особая статья. Вы

знаете, что над книгой «Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира» он работал вместе с Михаилом Сергеевичем.

Так что я поздравляю и составителей, и участников с представляемой сегодня книгой.

П.Р. Палажченко. Спасибо. Я хочу сейчас предоставить слово Виктору Леонидовичу Шейнису. Виктор Леонидович – тоже летописец и последующей эпохи, 90-х годов. Ну, и конечно, он тоже человек этого поколения и человек, который много делал и в годы перестройки.

В.Л. Шейнис. Мне прежде всего хотелось бы поблагодарить Горбачев-Фонд и лично, как говорят в таких случаях, Дмитрия Белановского за издание этой замечательной книги. Действительно приятно держать такой том в эпоху, когда выходит множество чисто подметной литературы. Приятно увидеть том, в котором каждая страница говорящая.

Мне хотелось бы немного сказать о герое этой книги – об Анатолии Сергеевиче Черняеве и о перестройке. Потому что, я думаю, они неотделимы друг от друга. Анатолий Сергеевич вначале, в том коротеньком киноочерке, который нам был представлен, я думаю, немножко поскромничал. Он сказал, что он оформлял идеи Михаила Сергеевича. Я уверен, что это не так. Я могу сослаться на авторитет моего хорошего друга – американского профессора Таубмана, который издал переведенную уже много лет тому назад книгу о Хрущеве. На мой взгляд, из того, что я читал, это лучшая книга о Хрущеве. И сейчас только что вышла на русском языке книга Уильяма Таубмана о Горбачеве. Она, может быть, не так шикарно издана, но она тоже замечательная книга. В ней Билл говорит, что вообще Анатолий Сергеевич наставлял Горбачева по целому ряду вопросов.

И когда читаешь этот раздел, о котором Дмитрий Белановский упомянул, - Избранные записки (на самом деле их невероятное количество, можно целую библиотеку издать), ты видишь, как они стреляют, как они, по сути дела, вторгаются в сегодняшний день, как Анатолий Сергеевич

разговаривает с нами о тех проблемах, которые на первых страницах наших газет и, извините за выражение, главных каналов нашего телевидения.

Первая записка, в которой Черняев предупреждает Горбачева: не надо Вам ездить на Кубу, не надо. Потому что на самом деле этих людей надо обучать, не надо оказывать поддержку тем людям, которые просто замолвили доброе слово о нашей стране. Эта поддержка их развращает. Я сразу вспомнил сожаление некоторых людей (не буду называть их имена) о том, как же так мы проворонили, база была на Кубе, потеряли базу, потеряли базу во Вьетнаме. Ну и слава Богу, что потеряли.

Или другая записка, в которой Анатолий Сергеевич пишет, что государство, пережали мы с государством, пережим явный. На самом деле государство должно находиться не над, а в лучшем случае рядом с гражданским обществом. Гражданское общество, воспитание гражданского общества – гораздо более важные вещи, чем укрепление государственное.

Я не буду развивать эту мысль. Она для всех здесь присутствующих достаточно очевидна. Или коммунистическое движение. Устраивались конференции, делались какие-то очень пышные приемы, всячески подчеркивали роль коммунистического движения. Черняев пишет: вообще нужно ли кому-нибудь теперь в этой обстановке нового мышления, перестройки коммунистическое движение?

Много таких примеров мог бы привести. Мне очень импонирует то, что в своих записках Горбачеву Черняев не боялся писать свое видение того, куда следует идти дальше.

Вот перестройка. Рядом со мной сидит тоже мой давний друг Виктор Кувалдин, который написал замечательные слова о Черняеве. Понятно, что на такого рода чествованиях, презентациях принято только добро говорить о герое, о том, кому посвящена книга. Но Кувалдин среди прочего написал, что «в нашем отсеке позднесоветского академического мира Черняев вырос в фигуру легендарно мифологическую, почти полубожество».

Вы знаете, в каком-нибудь другом случае мне бы показалось, что это пережим. Но применительно к Черняеву это не пережим, это точное определение места человека.

Я познакомился с Анатолием Сергеевичем задолго до того, как его впервые увидел. Это был 67-й год. Это еще не затоптанная «оттепель». Уже топтали, но еще недотоптали. И вот Анатолий Сергеевич среди прочего поднимает ряд вопросов. Когда я преподавал в Ленинградском университете, мне было важно сослаться на такую авторитетную фигуру.

Обычно я представлял это дело таким образом. Анатолий Сергеевич Черняев – зам.завотделом ЦК партии. Но дело совсем не в этом. А дело в том, что он пишет и о чем он пишет. А пишет он о том, что насильственная революция, время таких революций прошло, что, вообще говоря, государство, буржуазное государство разрушать не надо. Это слишком дорого, его важно сохранить.

И на лекциях по политэкономии я это объяснял студентам: смотрите – высочайше произнесенная фраза. Я не знал тогда, что вскоре Черняев подвергнется нападкам.

Но здесь мне хотелось бы проложить дорогу к другой теме, теме для меня очень важной. В моем кругу большинство моих друзей, знакомых достаточно скептически относились к партийному аппарату, партийным органам, Центральному Комитету партии. Вообще знакомство с Анатолием Черняевым мне помогло увидеть жизнь более сложную, реальную жизнь, которая тогда была. Да, там были всякие люди.

И авторы, которые вспоминают Черняева, пишут о той среде, в которой он оказался. Но эта среда была отнюдь не одинаковой. Там были разные люди. Было такое высказывание: у нас не многопартийная, но многоподъездная система. И тот подъезд, в который входили люди Международного отдела, был несколько другим. И Международный отдел тоже был разный. Были там люди, которым достается в черняевских

материалах достаточно сурово. Но были те люди, которые со своих позиций готовили перестройку.

Это новое мышление, с которым в 87-м году выступил Горбачев, было в значительной степени навеяно работами и Анатолия Сергеевича, и его знакомых. Я знаю их не всех, но многих знаю. Все-таки на уровень Анатолия Сергеевича, на уровень его понимания вещей, на уровень его критики эти люди все-таки не поднимались. А Анатолий Сергеевич был смелее, острее, прозорливее. Почему?

Во-первых, когда я уже лично познакомился с Черняевым, он с очень трогательной надписью подарил мне одну из первых своих книг «Моя жизнь, мое время». В этой книге он рассказал о том, как, в общем, разворачивалась внутренняя борьба. Был Пономарев, о котором здесь правильно было сказано, что человек он был неоднозначный. Хотя это герой и не моего, и не черняевского романа, но тем не менее интересно и достойно написано о нем в воспоминаниях Черняева.

А были люди более близкие, более конвергентные по отношению к Черняеву и его идеям. Когда, скажем, была организована довольно гнусная кампания, в ходе которой герои, имена которых, собственно, не хочется сегодня произносить, хотя достаточно произнести много тех, кто подвязается сейчас в средствах массовой информации и прочее, когда они пытались расправиться и с Черняевым, и с Международным отделом, как их обвели, по сути дела, вокруг пальца. И играя, соблюдая те правила игры, которые были приняты в Центральном Комитете, в общем, одержали победу над ретроgrадами, мракобесами, для которых вообще и XX съезд, на котором было сказано чуточку о важных вещах, был воплощением ревизионизма.

Это очень важно. Я произнесу сейчас мысль, с которой, может быть, не каждый согласится: нет одной единственной правды. Я пришел к этому сравнительно поздно. Я верил в то, что правда одна. Но на самом деле есть, скажем, та правда, с которой выступает Солженицын, с которым тоже трудно

во всем согласиться. И правда, которая произносилась в официальных заседаниях, официальных мероприятиях и даже печаталась в официальных текстах.

Я не буду затягивать свое выступление. Но на одном вопросе мне очень хотелось бы остановиться. На вопросе, который почти не затронут авторами воспоминаний, если затронут, то чуть-чуть, и который чрезвычайно резко, чрезвычайно выразительно представлен в размышлениях самого Черняева. И здесь я позволю себе немножко задержаться на заключительной части небольшой книги «Был ли у России шанс?». Если книга вам сегодня попала впервые в руки, возьмите, откройте ее на этих страницах. Заключительная часть, в Оглавлении она подана. 286 стр., почти в конце, перед «Временем Путина». 300-е страницы.

Я позволю себе воспроизвести мысль Анатолий Сергеевича, мысль немодную, потому что мы все воспитаны на идеях, настроении исторического оптимизма. То, что написал Анатолий Сергеевич, не помню, кому принадлежат эти слова, чуть ли не Ницше, кто-то воспроизводит пессимизм разума.

Черняев ставит вопрос: «Я считаю невозможным построение государства Российского, даже если отказаться претендовать на державность и стать обыкновенной страной. Не выйдет. Почему?». И эти потому совершенно замечательные. «Россия в веках, - пишет Черняев, - инфицированная державность, замешана не просто на патриотизме». А он патриот, он любит нашу страну. Это естественное чувство. Но этот патриотизм замешан на великодержавии. И это он решительно отбрасывает.

Дальше. Культура – то, на что мы обычно ссылаемся. То, если хотите, что является последним доводом. Культуру мы уже почти потеряли. Великая культура нужна великой нации. Для недержавной России культуру надо создавать заново. А это процесс такой длинный.

Экономика. Экономика страны разрушена. Создана лишь почва для вселенского воровства, в том, что у нас называется экономикой.

Свобода. Свободой мы тоже не сумели воспользоваться и превратили ее в почву для вселенского воровства.

Россия оказалась бессильной создать государство, достойное этого наименования. Мы имеем несостоявшееся государство. Этот термин широко пошел позже Черняева. Я его нашел в книге, изданной в 2003 году.

Народ деградирует биологически, а главное – психически. Это результат того, что нация обесточена в несостоявшемся государстве. То есть ресурсов никаких нет, чтобы даже обыкновенное, заурядное национальное государство создать.

Может быть, вы мне скажете: это настроение минуты. Нет, это не настроение минуты. Это то, к чему пришел Черняев, глядя на нашу действительность XXI века. Правда, в короткой заметке о Путине, написанной, кажется, в 2009 году, в период временного замещения президентского поста, некоторые надежды Анатолий Сергеевич высказывает. Но высказывает, в общем, очень осторожно, очень сдержанно.

И, наконец, самое главное – то, что я нашел в статье, упоминавшейся здесь, о Брежневе и Горбачеве. О Брежневе уже было сказано, что это далеко не тривиальный взгляд на правление довольно жалкого человека, к которому Черняев относился серьезно. А вот Горбачев... Возьмите эти страницы, не буду их пересказывать, – что принесла с собой перестройка.

И это, по-моему, самое главное, что важно сказать, говоря о Черняеве. Важно сказать, что это время, может быть, самое замечательное в XX веке для нашей страны. Время, к понимаю которого мы подходим теперь, но еще не вполне поняли и еще не объяснили тем, кто хочет слушать, кто хочет понимать, что было сделано.

Когда читаешь то, что Черняев называет ступенями, по которым мы не сходили от этого безобразия, которое называлось советским коммунизмом, к

нормальному общечеловеческому подходу, к общечеловеческим категориям, то видишь, насколько все самое главное, что было заложено в перестройке, по сути дела, сегодня оболгано, сегодня отброшено, сегодня не в чести. По сути дела, пропагандируются идеи, чуждые перестройке, чуждые Черняеву.

Я думаю, что эта книга и, возможно, то, что напишет Александр Пученков... Здесь прозвучала эта мысль – издать в серии «ЖЗЛ». Это очень стоит, очень важно. Будет, если хотите, контрпрограммой. Будет, по сути дела, разоблачением той, с позволения сказать, якобы идеологии, которой кормят подрастающее поколение.

Поэтому Черняев – это не вчерашний день. Черняев – это даже не сегодняшней день. Это, на мой взгляд, в любом случае, если мы хотим сохраниться, если мы хотим сохранить свою страну в антипатриотизме, в котором нас обвиняют, – это не должно быть. Если хотите, символ веры.

На этом разрешите мне закончить.

(Аплодисменты.)

П.Р. Палажченко. Спасибо. Как мы видим из книги и из выступлений, конечно, сфера деятельности и интересов Анатолия Сергеевича Черняева не ограничивалась внешней политикой. Но он был помощником Михаила Сергеевича Горбачева по международным делам. И, конечно, это отнимало львиную долю его времени. Мне довелось быть и свидетелем, и участником его взаимодействия с Министерством иностранных дел в те годы, практически на протяжении всего периода перестройки, изнутри МИДа, а затем, когда в 91-м году я работал в аппарате Президента СССР, то же самое взаимодействие я видел уже с другой стороны – со стороны Черняева, со стороны аппарата Президента.

В те годы Александр Александрович Бессмертных руководил американским направлением МИДа, был заместителем министра, был министром иностранных дел. И я хотел бы ему предоставить слово.

А.А. Бессмертных. Спасибо большое. Во-первых, я просто счастлив увидеть эту книгу, что она издана. Потому что Анатолий Сергеевич был человек, который заслуживал уже давно многого. Поскольку его роль в развитии нашего Отечества безусловная. Он не занимал высокие руководящие должности, но он по существу осуществлял то, что многие из этих должностей должны были осуществлять. Он знал очень многое во внешней политике. Он даже располагал таким запасом знаний, что мне было всегда с ним очень интересно беседовать.

Я посмотрел сейчас эту книгу. Это прекрасная книга, замечательно, что она вышла. Я одновременно обрадовался, когда посмотрел, какие темы здесь затронуты, и увидел, что ничего нет про внешнюю политику. Дело в том, что перед тем, как идти сюда, когда я был приглашен на это мероприятие, я посмотрел, что я написал, но еще не опубликовал. И там у меня Анатолий Сергеевич выглядит уже человеком, который весьма активно участвует в разработке ряда очень важных внешнеполитических программ, в том числе участвует в некоторых довольно сложных внешнеполитических комбинациях. Я думаю, мы эту пустоту заполним, может быть, все вместе. Но у меня уже есть замысел, вчера я его перечитал.

Анатолий Сергеевич был и человеком уникальным во всех отношениях. И еще одно, что придавало этой уникальности особое благородство. Он никогда ни на что не жаловался. Он никогда не пытался чью-то позицию подмять, полагая, что его позиция лучше, что довольно успешно использовалось нашей бюрократией в 80-90-е и позже годы. Честность этого человека наряду с интеллектом – это две главные, если можно так выразиться, черты, которые наполняют его портрет.

То, что нет в книге внешней политики, возможно, причина состоит в том, что не все знают, какую роль Анатолий Сергеевич играл в этом поле. У него не было официальной должности по внешнеполитическим делам. Но он бесконечно привлекался ко многим проектам. Я знаю некоторые из них, даже

очень серьезные и интересные. То есть это часть таланта Анатолия Сергеевича будет раскрыта.

Я просто хочу, чтобы все знали, что Анатолий Сергеевич был прекрасным знатоком внешнеполитических проблем. Он об этом просто не очень везде говорил, возможно. Но я часто ему звонил. И мы часто даже встречались и обсуждали некоторые бумаги для Горбачева и не только для него.

Так что работать над дорисовыванием портрета Анатолия Сергеевича еще придется нам всем, наверное, много. Потому что он – многообразная личность. Он потрясающий человек, он творческий человек. Все ли его творческие достижения мы раскрыли и знаем, я не имею на этот счет информации. Но я думаю, что нужно продолжать. Просто нужно продолжать работать над темой – Анатолий Сергеевич Черняев. Еще многое, я думаю, мы найдем из того, что придаст этому уникальному человеку полноту характеристики, которую он заслуживает.

Я хочу поздравить всех организаторов сегодняшнего мероприятия, особенно тех, кто издал эту книгу. Я считаю, что это одна из тех книг, которые авторам, как говорится, просто делает честь. Потому что так много лет прошло, и сейчас все-таки это произошло. Это потрясающее явление в культурной жизни России. Замечательное, просто уникальное. И все те, кто задался этим, конечно, заслуживают постоянных, невероятных похвал.

Поэтому я предлагаю: давайте еще продолжать работать над темой Черняева. Есть еще очень много тем. Хотя том достаточно полный и толстый, но так много еще можно сказать об этом удивительном и замечательном человеке.

Я хочу поздравить всех нас, что эта книга есть. Нам надо всем ее прочитать. И, конечно, отсутствие внешнеполитической активности Черняева заслуживает особого внимания. Я думаю, что мы, может быть, даже не я один, а кто-то еще подключится, может быть, вместе с вами подключимся к

этому. То есть внешнеполитическая активность, внешнеполитические ходы, многие из них не попали в прессу. Потому что не для этого были эти ходы. Но тем не менее раскрыть еще эту сторону, тоже такую сверкающую, мне кажется, будет необходимо для создания более полного портрета этого фантастически прекрасного человека.

П.Р. Палажченко. Спасибо. (*Аплодисменты.*) Александр Александрович, кое-что все-таки про внешнюю политику есть и в частности в моей статье, в моих воспоминаниях. Там есть эпизод, в котором Вы участвовали. Это октябрьский визит Шульца в 87-м году, когда готовился к подписанию Договор о ракетах средней и меньшей дальности. Вы этот эпизод помните. Беседа с Шульцем прошла неудачно. И Анатолий Сергеевич сыграл огромную роль вместе, кстати, и с Вами, и со мной, хочу сказать.

Мы тогда через неделю после этой неудачной беседы летали в Вашингтон и везли туда послание Горбачева президенту Рейгану. И благодаря огромным усилиям Анатолия Сергеевича, благодаря проявленной им воле мы вместе с Михаилом Сергеевичем смогли вырваться к декабрю 1987 года, когда подписали этот Договор. Договор, который сейчас, к сожалению, прекращает свое существование, но который на протяжении тридцати с лишним лет служил безопасности нашей Родины и служит до сих пор, и по-своему будет служить и потом.

Этот эпизод с участием Анатолия Сергеевича Черняева, и не просто с участием, очень интересен. Не хочу рекламировать свою статью, но там он описан довольно подробно.

Конечно, очень многое еще предстоит сказать о той роли, которую играл Анатолий Сергеевич Черняев действительно в разработке внешнеполитических акций Советского Союза эпохи перестройки, в подготовке к действительно историческим визитам Горбачева в Соединенные Штаты Америки в 87-м году, в 90-м году. Его взаимодействие с европейскими лидерами Миттераном, Колем. Об этом есть, кстати, книги, в

том числе книга Анатолия Сергеевича Черняева и Александра Абрамовича Галкина «Михаил Горбачев в германский вопрос».

В общем, эта работа ведется. Я думаю, действительно мы ее продолжим, чтобы этот портрет дорисовать.

Я хочу предоставить слово человеку, который чаще появляется на телеэкранах, чем в Горбачев-Фонде. Но мы его очень рады видеть. Это Леонид Млечин.

Л.М. Млечин. Спасибо большое. Я сижу и поражаюсь: как я оказался в такой замечательной компании. Но еще больше меня поражает то, что были, оказывается, в нашей стране времена, когда человек такого невероятного масштаба, как Анатолий Сергеевич Черняев, был советником главы государства, излагал ему всю сложность окружающего нас мира, был с руководителем государства абсолютно откровенен. Глава государства это читал и даже иногда учитывал.

Трудно себе представить, что какое-то время назад нашу страну за океаном представлял не человек, который говорил: ты глаз-то не отводи, сюда смотри, а такой блестящий дипломат, как Александр Александрович Бессмертных, который здесь присутствует.

Я прочитал, думаю, все, что написано Черневым, что опубликовано. С особым наслаждением - его дневники год за годом, день за днем, который интересны не только описанием той эпохи, но прежде всего описанием движения этого человека. Тут не только очарование ищущей мысли, а само движение человека к пониманию сложности окружающего мира.

И ты сегодня приходишь к выводу, что позднесоветские, горбачевские времена были временем наивысшего интеллектуального и духовного подъема нашего общества, когда люди такого выдающегося уровня, как Черняев, определяли духовную, интеллектуальную жизнь страны.

Теперь понятнее, что происходило с Россией, скажем, после 17-го года, когда смыло весь интеллектуальный слой страны, когда страна

отказалась от понимания сложности мира и пришла к упрощению и к примитивности восприятия мира. И с этим примитивным восприятием и шла многие десятилетия советской власти. И на исходе советской эпохи вновь создалась эта масса интеллектуального и духовного богатства, и она вновь срезается очередной революцией.

Видимо, это какая-то такая неизбежность, которая трагическим образом сегодня отражается на нашей жизни.

Я тоже хочу сердечно поблагодарить тех, кто эту книгу выпустил. Потому что читать Черняева и о Черняеве – высшее наслаждение. И вызывает ужасное чувство сожаления, что этого нет.

П.Р. Палажченко. Спасибо большое. *(Аплодисменты.)* Среди присутствующих еще два-три автора. И я хочу сейчас предоставить слово Виктору Борисовичу Кувалдину, с которым мы вместе работали в аппарате Президента в 91-м году, где Анатолий Сергеевич руководил внешнеполитическим направлением. Виктор Борисович потом многие годы работал с Анатолием Сергеевичем в Фонде. И он один из авторов этой книги. Он человек, который не стеснялся иногда спорить с Анатолием Сергеевичем. Но это были люди в главном и основном единомышленники. И я думаю, вы это увидите и по воспоминаниям Виктора Борисовича, и по его выступлению.

В.Б. Кувалдин. Спасибо, Павел Русланович. Я хочу начать с одного очень важного вопроса, который не случайно оказался в центре нашего обсуждения и который имеет очень большое значение для понимания не только Анатолия Сергеевича, но и другой, не менее масштабной фигуры, а заодно и времени, которое им выпало. Это, конечно, Черняев и Горбачев.

Я не готов присоединиться ни к одной из характеристик, которые здесь были даны этим отношениям. Я думаю, что дело здесь было совершенно в другом. У них особый стиль отношений. И это связано в первую очередь с Михаилом Сергеевичем. Михаил Сергеевич – стихийный последователь

Сократа. Он ищет истину, он постоянно пробивается к ней. Это вызывает невероятное уважение. Он человек не из Москвы, не из интеллигенции. Он буквально от земли, он соль земли. И ему попадает в качестве собеседника, причем в его звездный час, когда он на вершине власти в супердержаве, такая фигура, как Анатолий Сергеевич.

И я думаю, что не надо говорить, что Михаил Сергеевич давал ему какие-то установки. Тут я не соглашусь и с самим Анатолием Сергеевичем, слишком хорошо я его знаю. Но не надо говорить и то, что Анатолий Сергеевич на что-то выводил Михаила Сергеевича. Их даже здесь нельзя разделять. В этом общении, с моей точки зрения, нет ни Чернышева, ни Горбачева, а есть что-то иное, что гораздо больше даже этих двух очень масштабных фигур.

Кстати говоря, это счастливая особенность Михаила Сергеевича. В какой-то степени, может быть, я ее испытал и на себе. Но я хотел привести другой пример. Мне действительно посчастливилось: я много раз слышал, как Павел Русланович переводит Михаила Сергеевича. И в частности переводит в тех странах, где неплохо знают английский язык, а именно в Великобритании, Соединенных Штатах Америки. Конечно, мое знание английского не идет ни в какое сравнение..., как им владеет Павел Русланович. Но что мне было интересно? Там не было ни Горбачева, ни Палажченко. А там был некий синтетический продукт, который нельзя было разделить. И качество этого продукта, качество этого перевода было лучше того, что мог сказать и Михаил Сергеевич, и лучше, что мог перевести такой блестящий, скажем, просто супер, ас, как наш Павел Русланович.

О чем это говорит? Это говорит о том, что книга, в которой мне просто посчастливилось участвовать, для меня вообще этот вопрос не стоял, это подается как воспоминание, я имею в виду мой текст. Это не воспоминание, это открытое признание в любви Анатолию Сергеевичу. Поскольку именно ему я обязан тому, что попал в Историю с большой буквы, пусть в предельно

скромном качестве. И тому, что потом я смог познакомиться и с Михаилом Сергеевичем.

А вот Анатолий Сергеевич. Здесь прозвучало, в том числе и немало горьких слов в отношении нашей страны, в отношении России. Есть и такое высказывание (это сказал один из наших соотечественников и не последнего разбора), что они (это о нас) любят только мертвых. Я боюсь, что правда гораздо хуже. Мы не любим своих мертвых. Иначе бы у нас не лежали бы еще в наших полях миллионы наших безымянных солдат, героев (хотя после войны прошло уже столько лет), до которых у нас руки не дошли.

А то, что мы любили, любим и, пока будем живы, будем любить Анатолия Сергеевича, мы смогли это сказать. И действительно удивительно красивая форма. И насколько я понимаю, она полностью соответствует содержанию.

Теперь об Анатолии Сергеевиче. Конечно, Анатолий Сергеевич – феномен. Об этом сказал, собственно, и наш великий поэт Александр Сергеевич, что *«в Риме он был бы Брут, в Афинах Периклес. У нас он – офицер гусарский»*. Человек такого масштаба и вроде бы человек, который входит и войдет в историю просто как помощник и как человек, который уже на пике своей карьеры был всего лишь членом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. Хотя мне кажется, что люди этого масштаба, конечно, должны были быть в Политбюро. И тогда, возможно бы, по-другому немножко складывались и политика Михаила Сергеевича, и результаты этой политики.

Но я хотел бы сказать и о другой стороне. А как он вообще уцелел? Как он смог в условиях системы, которую мы называем тоталитарной (самое мягкое, что о ней можно сказать в период и взлета, и одряхления – авторитарной), как такая фигура вообще могла сохраниться, как она могла оказаться там, что тогда велеречиво называлось ленинским штабом нашей партии, как она могла оказаться рядом с первым человеком в нашей стране, а

это вы знаете прекрасно, особенность России, очень велика роль этого человека? Как он мог оказаться около уха, причем уха предельно чуткого по отношению к нему?

Мне кажется, что это тоже очень важное наследие Анатолия Сергеевича. Через Анатолия Сергеевича мы можем понимать глубже ту Атлантиду, которая ушла и которая называлась Советским Союзом. В Советском Союзе (это мое мнение) не было и не могло быть никакого гражданского общества. Системы этого типа не терпят этого и не позволяют.

Но было другое. Было, как бывает где-то, скажем, под толщей воды, образуются какие-то полости, где есть воздух, где есть кислород, где может зародиться и жизнь, и интеллект. Парадокс этой ситуации заключается там, что одна из этих ниш, где был кислород, где был интеллект и где была свобода, находилась в самом центре системы, находилась в Центральном Комитете. Это имело свое название, и к этому имеет прямое отношение Анатолий Сергеевич. Называлось это группой консультантов. Самая сильная и самая мощная, по-моему, была в Международном отделе. Мне невероятно повезло, что пусть ненадолго и в самом конце советской власти, но я там оказался. Эту группу долгое время возглавлял именно Анатолий Сергеевич. И там как раз закладывалось если не будущее нашей страны, то, по крайней мере, ее шанс на будущее.

Я не могу принять оценку Анатолию Сергеевичу в отношении того, что он был последним. Потому что кроме пессимизма, разума еще существует и оптимизм воли. Я думаю, что Россия (и об этом говорит как раз ее история и история самого Анатолия Сергеевича) – страна парадоксальная. Я не в восторге от многого, что приходится наблюдать. Но, по-моему, есть вещи и есть наследие перестройки, которое оказалось необратимым.

И к числу необратимых вещей я назвал бы то, что половина страны живет в условиях разгосударствления и просит от государства только одного – не мешать им жить. А этого не было в советской системе и быть не могло.

И там по-своему (и я не хочу это никак принижать) государство давало право человеку от рождения и до могилы, давало ему скромную пайку, и он жил. И более того, даже создавался советский средний класс. И если бы не было этого среднего класса, если бы не было как минимум двух столиц и городов-миллионников, если бы не было людей, которые там существовали, если бы не было того поколения, которое мы называем поколением «оттепели» и перестройки, шестидесятниками, ничего бы не смог сделать и Горбачев, да и Горбачева бы не было. Он тоже сформировался, он тоже продукт этих условий.

Анатолия Сергеевича нет с нами. Конечно, это потеря невозполнимая. Но, даже уйдя, он нам оставил бесценный дар. Он оставил дар урока своей жизни. И я абсолютно согласен. Первое, о чем хочется сказать: Анатолий Сергеевич – человек порядочный. Это было очень важное разделение.

Здесь, в Горбачев-Фонде я буквально сидел на этом месте. И, конечно, был Павел Русланович. У нас было специальное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения Никиты Сергеевича Хрущева. И была хрущевская семья, по крайней мере вся та ее часть, которая в тот момент находилась в России. Это было совершенно незабываемое заседание.

Но если мы вернемся сейчас к фигуре Хрущева и посмотрим, Хрущев не был и не мог быть человеком «оттепели». Хрущев вышел из кровавой сталинской шинели. Он сдирал ее с себя вместе со своей кожей и не смог ее содрать. Если вы посмотрите, то, что мы знаем о деятельности Хрущева, о его представлении о политике, устройстве Советского Союза – это чисто сталинские представления. Но у Хрущева было одно отличие, и оно отделило его от Сталина - Хрущев был человеком, а Сталин был душегубом. И это было очень важно.

А Горбачев – это, конечно, уже другое качество. Горбачев – не только человек. Горбачев в чем-то интуитивно, а иначе это не могло быть, а во многом уже и осмысленно шел к похоронам того, что мы называли

государственным социализмом. И когда он стал Генеральным секретарем, то, что рядом с ним оказался Анатолий Сергеевич, - это было подарком судьбы, причем подарком судьбы для обоих.

Мне кажется, что эта книга нам может дать очень многое. И это не только благодарная, любящая память Анатолия Сергеевича, но она позволяет нам понять и объективнее увидеть и ту страну, которую мы потеряли – великую и грешную страну под названием Советский Союз, но она в то же время, мне кажется, позволяет и как-то трезвее и объективнее оценить и сегодняшний день, как бы мы к нему ни относились. И за это мы должны быть благодарны Анатолию Сергеевичу.

Спасибо.

(Аплодисменты.)

П.Р. Палажченко. Спасибо, Виктор Борисович. Я думаю, что очень интересно. Все то, что было сказано, складывается в картину. Конечно, неполную картину. Интересно то, что мы из этой книги извлекаем очень многое для понимания не только Анатолия Сергеевича, его эпохи, его как человека, но и для понимания Михаила Сергеевича Горбачева. Действительно они прошли неразрывно с того момента в 86-м году, когда Анатолий Сергеевич стал помощником Горбачева, и до последнего дня, до 25 декабря 1991 года.

Две эти фигуры возникают в этой книге. И я хочу сказать, что большая статья, написанная по правилам исторической науки, статья доктора исторических наук Александра Сергеевича Пученкова как раз и дает нам возможность объемно увидеть связь этих двух людей, этих двух личностей, понять лучше их и лучше понять эпоху перестройки. Это действительно, к сожалению, непаханое поле, очень немного историков взялись за объективное историческое рассмотрение, анализ этой эпохи в контексте и внешней политики в том числе.

Так что я хочу сказать, что мы благодарны Александру Сергеевичу. И я хотел бы Вас попросить сказать несколько слов, в том числе и о Ваших планах. Входит ли в эти планы написание книги в серии «Жизнь замечательных людей» об Анатолии Сергеевиче? Если входит, то, я думаю, все присутствующие здесь были бы готовы Вам всячески помогать.

А.С. Пученков. Спасибо, глубокоуважаемые коллеги. Огромное спасибо Горбачев-Фонду. Я хочу сказать, что идея этой книги возникла лично для меня в конце 2017 года. Мое участие в ней было бы абсолютно невозможно без человека, который стал лично для меня той фигурой, которую открыл Горбачев-Фонд. Я всегда интересовался перестройкой. С этим были связаны какие-то моменты и моей жизни.

Без Алексея Алексеевича Литвина, конечно, не было бы предложения поучаствовать в работе над этой книгой, не было бы знакомства с подавляющим большинством сотрудников Горбачев-Фонда. Ну, а душой книги, безусловно, стал человек, который проделал поистине титаническую работу, человек, который к каждому из авторов проявил свое личное участие. Это замечательный, необыкновенно, с моей точки зрения, талантливый переводчик Дмитрий Александрович Белановский.

Дмитрий Александрович сказал о том, какую роль лично для него в его жизни сыграл Анатолий Сергеевич Черняев. И я хочу сказать, что очень редко встретишь составителя книги, который обзванивает всех авторов, который не просто интересуется, а организует для себя каких-то людей, которые могут тебе помочь в составлении очерка. Ну, и, конечно, без его супруги Елены Анатольевны, которая оказывала всегдашнюю поддержку во время моих частых приездов в Москву, лично мое участие было бы мало возможно.

Безусловно, конечно, я хочу поблагодарить Павла Руслановича. Еще раз хочу поздравить его с прошедшей красивой, но не угрожающей датой,

которая была буквально несколько дней тому назад. И хочется пожелать ему всего самого-самого доброго.

Если уж говорить о каких-то моих планах, которые связаны с этой книгой, безусловно, я считаю, что Анатолий Сергеевич Черняев – это человек, который достоин участия в той серии, которую каждый из присутствующих, я думаю, помнит с детства. Серии, связанной с именем Максима Горького, серии «ЖЗЛ». Безусловно, человек необычайно яркий. Человек, биография которого является в какой-то мере фотографией всего XX века, который у меня до сих пор не поворачивается язык назвать прошлым веком, а для большинства присутствующих, я думаю, в еще большей степени.

Безусловно, мне очень приятно было работать над биографией этого человека хотя бы потому, что я хотя и историк, как и Анатолий Сергеевич, но тоже очень люблю художественную литературу. К сожалению, почему-то, когда я учился на историческом факультете, было принято публично, чуть ли не кровью расписываться в том, что ты не читаешь художественную литературу, что ты этим не увлекаешься.

Я, например, очень люблю и всех тех авторов, которые упоминались в книге «Моя жизнь и мое время» Анатолия Сергеевича Черняева. Очень люблю Бальзака и русских классиков. Безусловно, было очень приятно. Потому что каждый ученый, каждый автор, литератор, назовем так громко (Ленин, к примеру, тоже называл себя литератором), поневоле сопоставляет себя с каким-то своим героем.

Находиться, следить за мыслью Анатолия Сергеевича лично мне было очень приятно. Мне было интересно обсуждать вместе с ним. Хочу сказать, что практически каждое его программное заключение в его огромном наследии, по крайней мере, является такой гимнастикой ума, заставляет сопереживать автору. С очень большим количеством выводов можно не

соглашаться. Но то, что он всегда мыслит оригинально и ни на кого не похоже – это, по-моему, за ним невозможно не признать.

Еще у меня как у человека, который пытается как-то изучать историю XX века, человека, который знаком с биографией многих людей, которые служили в Центральном Комитете, служили на Старой площади, естественно, происходила какая-то мимикрия. Естественно, приходилось соблюдать какие-то правила игры. Все пытались быть похожими на кого-то в той или иной степени – на руководителей или еще на кого-либо.

Вызывает восхищение в Анатолии Сергеевиче, что человек, который обладал каким-то удивительным чувством свободы, он действительно не пытался быть ни на кого похожим.

Безусловно, я рад, что руководство Горбачев-Фонда предложило мне поучаствовать в этом проекте. Я считаю, книга получилась замечательной. И очень приятно, что здесь присутствуют многие авторы.

Спасибо большое.

(Аплодисменты.)

П.Р. Палажченко. Спасибо большое. У нас получилась презентация-семинар, научно-практическая конференция. Полтора часа, не знаю, как для присутствующих, а для меня они прошли как одна минута, на одном дыхании. Было интересно слушать всех. Может быть, еще кто-то из присутствующих хотел бы добавить несколько слов? Пожалуйста. Я думаю, было так интересно, что, наверное, и любое другое выступление других присутствующих тоже было бы для нас интересно, и мы внимательно послушали бы.

Если желающих нет, то я хочу еще раз поблагодарить.

Д.А. Белановский. Я в двух словах отвечу на замечание Александра Александровича насчет того, что в книге мало освещена внешняя политика. Я думаю, что тут были еще и объективные причины. Потому что просто многих людей нет, и некому было написать об этом. Я попытался как-то

осветить этот период за счет этих докладных записок. Конечно, все их невозможно опубликовать.

Для справки. Мне сейчас трудно назвать точную цифру. Но таких докладных записок у нас в архиве хранится, может быть, 800. То есть он чуть ли не каждый день писал эти записки. И я еще раз хочу сказать, что они на меня произвели просто колоссальное впечатление.

Я обратил внимание на такую интересную вещь. С одной стороны, Анатолий Сергеевич стремился как-то внести свой вклад в то, чтобы тогдашний СССР стал членом клуба цивилизованных государств. А с другой стороны, в этих докладных записках четко прослеживается идея защиты национальных интересов страны. То есть какой-то такой баланс очень интересный.

Я даже затрудняюсь подобрать к нему какое-то определение. Потому что все слова, которые мы знаем, - либерал, демократ, патриот – они, в общем, уже девальвировались. Я бы сказал, что Анатолий Сергеевич был человеком, который воспринимал проблемы страны как свои собственные.

Это такой мой небольшой комментарий. Я надеюсь, что у историков рано или поздно дойдут руки до этих записок. Они представляют очень большую ценность.

П.Р. Палажченко. Да, безусловно. Спасибо большое. Я думаю, действительно то, что произошло сегодня, открывает дверь в будущее исследование, в будущие работы историков, журналистов, которые прочитают многое из того, что пока прочитано немногими, которые используют это для того, чтобы дать честную, объективную картину того, что происходило в те незабываемые годы, когда Анатолий Сергеевич Черняев был помощником Генерального секретаря, Президента, помощником Михаила Сергеевича Горбачева, и когда он в своей деятельности, конечно, вышел далеко за пределы функций помощника.

Мы, я уверен, начнем эту работу. Будут продолжать эту работу другие люди. Люди, которые, может быть, только сейчас учатся на исторических факультетах в университетах, которые, я думаю, проведут необходимую работу по очищению исторической правды от вымыслов, наслоений, неправды, о чем говорил здесь Виктор Леонидович.

Давайте будем считать, что эта книга и сегодняшняя наша встреча – это шаг в этом направлении.

Спасибо большое всем, кто пришел.

(Аплодисменты.)